

Публично-правовые науки / Public-legal disciplines

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья

УДК / UDC 321:342:338.2:334.7

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.636-655>

Р. З. Рувинский¹

¹ Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Нижний Новгород, Россия

Метаморфозы современного государства: приватизация публичных функций и превращение в корпоративный конгломерат

Рувинский Роман Зиновьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9114-1786>
Web of Science Researcher ID: R-3275-2018
eLIBRARY SPIN-код: 8748-0166

Аннотация

Цель: уточнение представлений об использовании коммерческими корпорациями публичных функций, а также формулирование теоретических положений по поводу природы современной государственности и ее динамики.

Методы: при проведении исследования использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы. В понимании социальной сущности современного государства автор опирался на материалистический подход, выработанный в рамках марксистского направления социальной мысли.

Результаты: описано воздействие перехода к постфордистскому режиму накопления капитала и политике неолиберализма на характер реализации государством его публичных функций. Установлено, что в XXI в. государство активно принимает участие в создании гибридных корпоративных образований, ориентированных на участие в осуществлении публичного управления. Обозначены негативные последствия обрастания механизма современного государства корпоративными элементами: утрата государством способности выражать всеобщие (национальные) интересы, слияние политической власти с экономическим господством, неизбежная перестройка отношений между государственным аппаратом и гражданским обществом.

Научная новизна: в исследовании как единое целое рассматриваются процессы обретения коммерческими корпорациями отдельных публичных функций и трансформации механизма государства в подобие корпоративного конгломерата. Не сводя феномен размывания границ между публичным и частным к последствиям экономической глобализации, автор предлагает взглянуть на него как на характерный симптом глобального кризиса современной модели государственности.

© Рувинский Р. З., 2026

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для уточнения представлений о государственных институтах, а также для корректировки государственной экономической политики, в том числе в аспекте взаимоотношений государства с корпоративными образованиями. Изложенные в статье выводы могут представлять интерес для институтов гражданского общества, осуществляющих общественный контроль за деятельностью органов государственной власти. Содержащиеся в исследовании данные могут использоваться при преподавании университетских курсов теории государства и права, административного права.

Ключевые слова:

публично-правовые науки, государственно-частное партнерство, дерегулирование, механизм государства, национальный интерес, постфордизм, приватизация государственных функций

Как цитировать статью: Рувинский, Р. З. (2026). Метаморфозы современного государства: приватизация публичных функций и превращение в корпоративный конгломерат. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 636–655. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.636-655>

Scientific article

R. Z. Ruvinskiy¹

¹ Nizhniy Novgorod Institute for Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Nizhniy Novgorod, Russia

Metamorphoses of the modern state: privatization of public functions and transformation into a corporate conglomerate

Roman Z. Ruvinskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Nizhniy Novgorod Institute for Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9114-1786>
Web of Science Researcher ID: R-3275-2018
eLIBRARY SPIN-code: 8748-0166

Abstract

Objective: to clarify the understanding of how commercial corporations use public functions; to formulate theoretical provisions regarding the nature of modern statehood and its dynamics.

Methods: the study used comparative-legal, formal-legal, systemic, and structural-functional methods. In understanding the social essence of the modern state, the author relied on the materialist approach developed within the Marxist school of social thought.

Results: the author described the impact of the transition to a post-Fordist regime of capital accumulation and neoliberal policies on the nature of the implementation of its public functions by the state. It was established that in the 21st century, the state actively participates in the creation of hybrid corporate entities aimed at implementing public administration. The study identified negative consequences of the modern state mechanism encumbered with corporate elements: the state is losing the ability to express universal (national) interests; the political power is fusing with economic dominance; the relations between the state apparatus and civil society are inevitably restructuring.

Scientific novelty: the study examines, as a single whole, the processes by which commercial corporations acquire certain public functions and the transformation of the state mechanism into something akin to a corporate conglomerate. Without reducing the phenomenon of the blurring of boundaries between the public and the private to the consequences of economic globalization, the author proposes to view it as a characteristic symptom of the global crisis of the modern model of statehood.

Practical significance: the research results can be used to refine understanding of state institutions, as well as to adjust state economic policy, including the state's relations with corporate entities. The conclusions may be of interest to civil society institutions that exercise public oversight over the activities of state authorities. The data presented in the study can be used in university courses on administrative law and the theory of state and law.

Keywords:

public-legal disciplines, public-private partnership, deregulation, mechanism of the state, national interest, post-Fordism, privatization of state functions

For citation: Ruvinskiy, R. Z. (2026). Metamorphoses of the modern state: privatization of public functions and transformation into a corporate conglomerate. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 636–655. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.636-655>

Введение

«Государство» – одна из наиболее фундаментальных категорий правоведения, обозначающая крайне сложное и во многом мифологизированное явление, серьезный и объективный анализ которого затруднен уже тем фактом, что мы вынуждены исследовать его как бы «изнутри», то есть в конечном счете изучать его, исследуя себя самих (на что совершенно справедливо обращал внимание французский социолог П. Бурдьё (2022. С. 49)). В значительной степени наше понимание государства определяется его идеальным образом, сформировавшимся в эпоху модерна и органически связанным с переходом мирового хозяйства к капиталистическому способу производства и формированием гражданского общества. В этом идеальном образе государство представляет собой своего рода квинтэссенцию публичного (национального, всеобщего) интереса, что неизменно подчеркивали наиболее выдающиеся мыслители Нового времени – Дж. Локк (2009. С. 308–309), И. Кант (2014. С. 309), И. Г. Фихте (2014. С. 133), Ж.-Ж. Руссо (2000. С. 208, 216) и наиболее последовательно из всех Г. В. Ф. Гегель (1990. С. 294). Основой легитимности современного государства всегда было выражение им долгосрочных интересов соответствующей нации и, следовательно, связь с волеизъявлением народа, а не династическая преемственность или божественная воля.

Возможно, в вопросе понимания феноменов государства и государственности мы до сих пор находимся под влиянием современных ожиданий, становящихся нереалистичными в условиях достижения современной парадигмой общественного развития своих пределов и открытия перспективы перехода к новому образу социального порядка, борьба за который еще в самом разгаре. В этой неопределенности честный и объективный анализ текущих трендов развития государственных институтов приобретает особую актуальность. Сегодня, в эпоху совершенства технологий создания нужного правящим элитам общественного консенсуса (Herman & Chomsky, 2002. Рр. 298–307) и при этом повышения конфликтности и сложности публичного управления, мы можем наблюдать парадоксальный, но глобальный по своему охвату процесс сближения государства и составляющих его публичных институтов с корпоративными, частными по своей природе, структурами. В рамках этого процесса частные компании приобретают ранее не свойственные им публичные, управленческие и регуляторные функции, а механизм государства, напротив, обрывает структурными элементами, действующими, скорее, в узкокорпоративной логике добывания прибылей для частных лиц, нежели в логике реализации национальных интересов. В данном исследовании мы рассмотрим обе составляющие данного процесса, который может быть понят как одна из магистральных тенденций развития системы управления в масштабах общества и одновременно как симптом разложения современного образа правового и политического порядка.

Настоящее исследование преследует двоякую цель. Во-первых, в рамках данной работы планируется уточнить сложившиеся к настоящему времени представления о характере и основных направлениях использования корпоративно-коммерческого сектора в реализации отдельных публичных функций и, соответственно, уточнить научные представления о соотношении процессов приватизации и бюрократизации в современном развитии механизмов управления обществом. Во-вторых, исследование ориентировано на формулирование обобщающих теоретических выводов относительно динамики современной государственности и сопряженных с этой динамикой рисков.

Достижение указанных целей предполагает ответ на ряд вопросов (решение промежуточных задач исследования):

1. Что составляет содержание публичных функций, исходно присущих современной модели государственности?

2. Как переход от фордистско-кейнсианской модели государства всеобщего благосостояния к постфордистскому режиму накопления капитала в конце XX в. отразился на реализации государством его публичных функций и на образе государства в целом?

3. Какое развитие процесс делегирования публичных функций приобретает в XXI в. и как объяснить ситуации, в которых сам государственный аппарат начинает действовать в коммерческо-корпоративной логике, используя осуществление публичных функций в узкосоциальных целях?

4. Какое влияние оказывают отмеченные процессы на долгосрочное развитие государственности, не обозначают ли они некий новый вектор развития современного государства и не являются ли признаком трансформации современного государства в некую новую модель управления обществом?

Теоретический обзор. Проблема действия государств в корпоративных, узкосоциальных интересах не является специфически новой. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс в своем «Манифесте» характеризовали государство как «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (Маркс, Энгельс, 1985. С. 144). Данная характеристика впоследствии, в рамках советского обществоведения, нередко вела к упрощенному пониманию сущности государства и роли коммерческих интересов отдельных компаний в определении государственной политики: государство (за исключением государства социалистического, или «переходного», типа) рассматривалось едва ли не как прямой проводник буржуазных интересов¹ (Денисов, 1947. С. 18, 31; Меньшиков, 1974. С. 6, 63–65). Реализация государством общесоциальных функций признавалась лишь в той мере, в какой это было необходимо экономически господствующему классу для увековечения его власти над неимущим большинством (Меньшиков, 1974. С. 60, 70–71, 84).

В то же время на Западе в рамках материалистического подхода к изучению институтов государственности был выработан несколько иной – как представляется, более корректный – взгляд на социальную сущность современного государства (т. е. государства эпохи капиталистического способа производства). Так, с точки зрения представителей неограмшианского направления в социальных науках и теории регуляции, современное государство не может и не должно выступать в качестве прямого проводника интересов экономически господствующих слоев общества; будучи особой, политической, формой капиталистических отношений, оно должно представлять себя в качестве государства всего народа, а отправление политической власти должно быть отделено от экономического господства, поскольку накопление капитала предполагает использование свободного труда формально независимого работника (Маскару, 2022. С. 29; Hirsch, 1978. Р. 66; 2005. Рр. 25–26; Poulantzas, 1978. Р. 123). Следовательно, современное государство не может и не должно выступать в качестве корпорации, движимой интересами узкой группы обладателей власти или «менеджеров». Напротив, оно должно сглаживать социальные конфликты и противоречия, быть посредником в отношениях капитала и труда, брать на себя издержки частного присвоения продуктов, производство которых основано на общественном труде, иными словами, должно выступать гарантом условий воспроизводства капитала и общественного воспроизводства вообще. В такой теоретической оптике проявления сращивания механизма государства с корпоративными, частными, образованиями, особенно в тех областях общественной жизни, которые можно характеризовать как уже хорошо отлаженные правовыми нормами, могут быть оценены как симптомы нездоровья и кризиса современной парадигмы государственности.

На то, что такое сращивание становится все более заметным в последние десятилетия, ранее уже обращали внимание Н. А. Косолапов (2011. С. 29–37), А. Фурсов (2008. С. 279–284), А. Н. Харин (2012. С. 78–79), Э. Гарретт (Garrett, 2008. Рр. 130–132, 144–163) и другие ученые, рассматривавшие данную тенденцию в контексте процессов экономической глобализации и соответствующей этим процессам неолиберальной политики. Впрочем, устойчивость тенденции к смешению государственной и коммерческо-корпоративной форм, обнаруживающейся в период, характеризуемый экспертами в качестве периода «деглобализации»

¹ Голунский, С. А., Строгович, М. С. (1940). Теория государства и права. Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР. EDN: UTHMMS

(Chase-Dunn et al., 2023; Tileva, 2025. Pp. 839–840) и «ресуверенизации государств»², позволяет предположить, что глобализация экономики не является основополагающим фактором для постепенной трансформации государств в аппараты, обеспечивающие скорее узкокорпоративные, нежели общесоциальные интересы. В последние годы в глобальном масштабе наблюдается, скорее, отход от неолиберальных концепций дерегулирования и минимального государства (*small state, limited government*) (Ives, 2015; Peck et al., 2018. P. 6), однако, несмотря на это, тенденция к смешению государственной и корпоративной форм, к смешению реализации публично-правовых функций и коммерческой логики извлечения прибыли для ограниченного и сравнительно узкого круга лиц сохраняется. В зарубежной науке данный феномен осмысливается через концепт «нового государственного капитализма», под которым понимается практика достаточно активного вмешательства государственных институтов в рыночные процессы, предполагающая, что само государство через соответствующие корпоративные образования (компании с государственным участием, суверенные фонды и т. д.) добивается преимущественного контроля над отдельными сегментами рынка, обеспечивая при этом монопольную ренту для узкой прослойки управленцев (Alami & Dixon, 2024; Kim, 2022; Sperber, 2022. Pp. 271–273). Данная политэкономическая модель не отрицает неолиберализма, но, скорее, является его логичным следствием или своеобразной мутацией, вызванной его же противоречиями (Alami et al., 2024. P. 348).

Настоящее исследование учитывает наработки, представленные в трудах вышеназванных авторов, фокусируясь на конкретных примерах «этатизации» коммерческих корпораций и «корпоративизации» государств и пытаясь описывать не только общую логику указанных процессов, но и юридические механизмы, через которые эти процессы запускаются и протекают. Процессы размывания границ между публично-правовыми и частноправовыми субъектами рассматриваются в рамках настоящего исследования в качестве проявлений кризиса современной модели государственности – кризиса, за которым просматривается формирование некой новой модели, описание характерных черт которой невозможно без анализа тенденций разложения современных институтов.

Общая установка исследования носит материалистический характер и следует в русле марксистской парадигмы выявления классовых интересов, стоящих за теми или иными изменениями государственно-правовой надстройки. Исследование опирается на сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить параллельно протекающие в разных странах мира процессы и увидеть за отдельными национальными институтами общую тенденцию, связанную с глобальными трансформациями экономической жизни, политических и правовых порядков. Особое внимание в исследовании уделено явлениям, имеющим место в современной России, а в качестве объектов для сравнительно-правового анализа были избраны правовые порядки экономически наиболее развитых стран, преимущественно относящихся к странам – членам Организации экономического сотрудничества и развития³. Для установления содержания относящихся к изучаемой теме правовых актов использовался формально-юридический метод. Системный и структурно-функциональный методы способствовали описанию изменений в структуре механизма современного государства. Историко-генетический метод использовался для выявления причинно-следственных связей изменения государственных институтов, а также соотношения между сферами публичного и частного.

Под *модерным государством* в настоящем исследовании понимается историческая модель организации управления в масштабах общества, сформировавшаяся в эпоху Нового времени, после буржуазных революций XVII–XVIII вв. (Gerstenberger, 2007. Pp. 666–669). В общем плане для такой модели характерны обезличенный характер власти и опора на рациональную бюрократию, формирование вокруг той или иной национальной общности, явная или неявная опора на идею народного суверенитета, обеспечение монополии на власть внутри территориальных границ, способность выступать на международной арене от имени соответствующей нации (Вебер, 2021. С. 256–264; Axtmann, 2004. Pp. 261–262; Gerstenberger, 2007. Pp. 666, 673–677; Pierson, 2011. Pp. 20–22; Rouvinsky, 2023. Pp. 441–442; Sheehan, 2023. Pp. 63, 94–97).

² См.: Артеев, С. (2021, 14 октября). Ресуверенизация национального государства или глобализация 3.0? Российский совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/resuverenizatsiya-natsionalnogo-gosudarstva-ili-globalizatsiya-3-0/>

³ OECD. (n.d.). Members and partners. <https://www.oecd.org/en/about/members-partners.html>

Результаты исследования

I. Частные акторы на месте публичных институтов

A. Постфордистская эрозия современной государственности

Прежде всего, возросшая роль корпоративных, частных по своей экономико-правовой природе структур заметна в последние десятилетия на международном уровне в рамках транснациональных правовых режимов, составляющих феномен так называемого глобального административного права (Cassese, 2021. Рр. 41–52). Классическое международное право XVII – середины XX в. формировалось вокруг суверенного территориального государства, выступавшего центральной единицей международного правопорядка. К началу XXI в. картина изменилась, и теперь с институциональной точки зрения этот порядок включает в себя разнообразные институты публичной, частной и смешанной природы, оказывающие все большее влияние на национальные государства. Среди этих институтов – действующие в качестве некоммерческих организаций специализированные регулирующие наднациональные организации, учрежденные в соответствии с законодательством той или иной страны (Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами, Совет по финансовой стабильности, Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи и т. п.), полунформальные корпоративные ассоциации (например, Всемирный экономический форум) и частные корпоративные фонды (например, Фонд Рокфеллера, активно участвовавший в разработке стандартов борьбы с эпидемиями и исследования вакцин, утвержденных впоследствии Всемирной организацией здравоохранения⁴). Сюда же следует отнести и новые гибридные институты, такие как Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации, обладающие субъектностью с точки зрения международного публичного права и опирающиеся в значительной мере на структуры корпоративного сектора (Szabó, 2016. Рр. 152–154).

Рост влияния частных и гибридных (частно-публичных) структур не исчерпывается сферой наднационального регулирования и может быть распознан также на национальном уровне. При этом наблюдается не сдвиг в сторону регуляторно-управленческого доминирования организаций частнопубличной природы над государственными структурами, а скорее *размывание* границ между хотя и условными, но все же достаточно различимыми прежде сферами публичного и частного. Одной из первых на данный феномен обратила внимание американский социолог С. Сассен, указавшая, что формы власти, прежде относившиеся исключительно к сфере публичного, теперь смещаются в частную сферу рынков и формируются в ней с соответствующей нормативной перекодировкой (Sassen, 2008. Р. 185). Согласно Сассен, имеет место изменение многовековой (следует добавить – современной. – Прим. Р. Р.) тенденции, которая привела к росту и укреплению формализованной публичной сферы, что в наиболее полной форме выразилось в фордистско-кейнсианской модели государства всеобщего благоденствия (Sassen, 2008. Рр. 186–187).

Переход к постфордистскому режиму накопления капитала (Hirsch, 2005. Рр. 130–140; Jessop, 1996. Рр. 173–175), предполагавшему дерегулирование и демонтаж структур государства всеобщего благосостояния, а также процессы экономической глобализации, набравшие интенсивный ход в 1990-е гг., привели к существенным переменам в представлениях о границах деятельности частных (корпоративных) субъектов и о содержании специфически публичных (государственных) функций, часть из которых была делегирована частному сектору и составила *пространство новых, специально созданных для извлечения прибыли рынков*. Теоретическое обоснование частичной передачи осуществления государственных функций на аутсорсинг коммерческо-корпоративным субъектам и перевода публичного управления на принципы, аналогичные принципам управления коммерческой компанией, было найдено в неолиберальных концепциях «нового государственного управления» (*New Public Management*) и *сервисного государства*, в рамках которых государство

⁴ См. доклад экспертной группы с рекомендациями ВОЗ и Большой семерке, касающимися стратегического развития глобальной системы здравоохранения и противодействия эпидемическим угрозам: Vella S. et al. (2024, May). One World, One Health. A Strategic Vision for a Resilient Global Health System. Rockefeller Foundation. <https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/2024/06/One-World-One-Health.-A-Strategic-Vision-for-a-Resilient-Global-Health-System-Final.pdf>. Рекомендации нашли отражение в тексте документа, принятого ВОЗ в мае 2025 г.: World Health Organization. (2025, May 20). WHO Pandemic Agreement (WHA78.1). https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA78/A78_R1-en.pdf

рассматривается как своего рода провайдер соответствующих услуг для населения, конкурирующий в этом с негосударственными акторами (Фалина, 2012. С. 133–134; Denhardt & Denhardt, 2015. Р. 11). Хотя указанные концепции объясняли перестройку функций госаппарата преимущественно в социально-экономической сфере, в действительности приватизация публичного управления пошла гораздо дальше, в ту область, которая прежде считалась едва ли не исключительной прерогативой государственных институтов.

Согласно традиционным для эпохи модерна представлениям, государство должно действовать в качестве организации управления в масштабах всего общества, концентрирующей в себе общенациональные интересы и, сообразно этому, реализующей публичные функции, направленные на обеспечение блага нации в целом. Наиболее полно данная установка проявилась в модели кейнсианского социального («интервенционистского») государства (Hirsch, 1978. Р. 82; Hardt & Negri, 1994. Рр. 26–27), однако более или менее явно присуща современному государству на протяжении всей его истории. Когда же властно-управленческая деятельность, обычно считающаяся неотъемлемой составной частью государственных функций, реализуется негосударственными акторами, это может говорить либо о неких проблемах соответствующего национального государства (о незрелости его институтов, кризисном состоянии и т. п.), либо о принципиальном изменении текущей модели управления обществом. Прежде всего это касается делегирования тех функций, которые могут считаться специфически характерными для государства. К таким функциям, определяющим характер государственного регулирования социальными процессами, можно отнести в том числе функцию защиты территории и народа от внешних угроз (военную функцию), функцию поддержания мира внутри общества (охраны общественного порядка), функцию обеспечения условий для развития рыночной экономики⁵ (Benz, 2008. Рр. 123–126).

В контексте настоящего исследования ценным представляется также теоретическое обобщение, сделанное М. Вебером (2021. С. 111–112) и заключающееся в том, что неотъемлемой составляющей современного государства (признаком, позволяющим отличать такое государство от любого иного социального института) является наличие монополии на *легитимное насилие*. Утрату данной монополии, соответственно, также следует воспринимать как тревожный симптом, свидетельствующий о глубоких сдвигах в системе управления обществом.

В. Приватизация легитимного насилия

Пожалуй, наиболее острым аспектом проблемы утраты государством монополии на легитимное насилие является вопрос о том, остается ли в рамках современного правопорядка государство единственным субъектом, обладающим легальными возможностями для применения вооруженной силы. Во второй половине XX в. в США, а затем и в других странах стали возникать частные военные и охранные компании (Nebolsina, 2019. Рр. 79–80, 86–87). В последние десятилетия их количество заметно возросло (Has, 2025. Р. 362), а поправки, внесенные в 2021 г. в Международный кодекс поведения частных охранных компаний⁶, существенно расширили перечень легально оказываемых такими компаниями услуг, включив в него эксплуатацию и техническое обслуживание систем вооружения, а также оперативную и материально-техническую поддержку вооруженных сил или сил безопасности, в том числе обучение и консультирование, разведку, наблюдение и рекогносцировку. Это достаточно показательно в контексте настоящего исследования, однако данная тема заслуживает отдельного и более обстоятельного анализа, который осложняется тремя факторами: во-первых, тем, что под видом частных военных компаний в ряде случаев могут действовать правительственные вооруженные силы, пытающиеся таким образом скрыть свое участие в соответствующих операциях; во-вторых, тем, что в ряде современных государств деятельность таких компаний до сих пор законодательно не регламентирована и находится в «серой зоне» между легальным бизнесом и преступной активностью; в-третьих, тем, что даже в тех странах, где деятельность частных военных и охранных компаний легализована, такие организации предпочитают регистрироваться в качестве исключительно охранных предприятий и участие в военных операциях не афишируют.

⁵ В российском политико-юридическом дискурсе данная функция более известна под названием «экономическая функция». Марксистская теория рассматривает ее как функцию обеспечения накопления капитала (Hardt & Negri, 1994. Рр. 179–180; Hirsch, 1978. Рр. 62–66).

⁶ International Code of Conduct Association. (2021, December 10). International code of conduct for private security service providers. https://icoca.ch/wp-content/uploads/2022/01/INTERNATIONAL-CODE-OF-CONDUCT_Amended_2021.pdf

Впрочем, легитимное насилие – это не только применение вооруженных сил в конфликтах различного рода. Одним из наиболее заметных и бесспорных проявлений приватизации публичных функций, связанных с монополией государства на легитимное насилие, можно считать создание частных пенитенциарных учреждений в ряде стран мира, в том числе в США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Первые частные тюрьмы возникли в Соединенных Штатах еще в середине 1980-х гг., и сегодня в ряде штатов США действуют законы, прямо разрешающие создание частных тюрем посредством контрактов на строительство, эксплуатацию или управление исправительными учреждениями (Burgess, 2024). Эти законы, как правило, позволяют департаментам исправительных учреждений штатов сотрудничать с частными поставщиками. Так, на сегодняшний день функционирование частных исправительных учреждений допускается законами Аризоны, Техаса и Флориды⁷. В Великобритании раздел 84 Акта об уголовном правосудии 1991 г. позволяет государственному секретарю заключать контракты с третьими сторонами на управление тюрьмами⁸. В указанных странах частным компаниям переданы не только функции обслуживания исправительных учреждений, но и применение силы к содержащимся в этих учреждениях лицам⁹.

Несмотря на то, что наибольшее распространение частные тюрьмы получили в странах, правовые системы которых относятся к семье общего права, в тех или иных формах приватизация пенитенциарных механизмов имеет место и в странах романо-германской правовой семьи. Например, во Франции законодательство предусматривает институт так называемого делегированного управления (*gestion déléguée*), который позволяет частным компаниям осуществлять различные функции по обеспечению работы исправительных учреждений, за исключением функций непосредственного управления, ведения делопроизводства и обеспечения безопасности, отнесенных к «суверенным» и считающихся сферой исключительного ведения органов государства (Rivet, 2025. Р. 1217). Отдельные функции по обслуживанию инфраструктуры исправительных учреждений переданы на аутсорсинг частным компаниям в Бразилии, Мексике, Перу, Чили, Южной Корее и Японии (Вутне et al., 2019). Везде вовлечение частного бизнеса в обслуживание пенитенциарных учреждений осуществляется посредством модели *государственно-частного партнерства* (далее – ГЧП).

Сугубо публичные функции государства, даже не будучи полностью переданы в частные руки, превращаются в источник коммерческого дохода отдельных корпораций. Свою часть выгоды от таких государственно-частных проектов получает и правительство: привлечение к реализации публичных функций компаний из коммерческого сектора позволяет внедрять в публичное управление наиболее продвинутые технологии; сами корпорации получают в свое распоряжение удобные полигоны для испытания и усовершенствования наиболее свежих технологических разработок, которые впоследствии могут быть масштабированы и перенесены в смежные, имеющие исключительно коммерческий характер сектора экономики.

Стремясь одновременно добиться большей управленческой эффективности (понимаемой исключительно в технических категориях) и получить коммерческую прибыль (достающуюся в итоге преимущественно представителям топ-менеджмента¹⁰), правительства сами активно создают гибридные корпоративные образования, формально находящиеся под государственным контролем, однако действующие как обычные частные компании с императивом краткосрочных прибылей и коммерческого продвижения инноваций. Например, в Гонконге, в районе Тайтхам, с 2021 г. функционирует так называемая смарт-тюрьма (*smart prison*) для содержания иностранных граждан, представляющих угрозу национальной безопасности; учреждение действует на основании меморандума о взаимопонимании, заключенного между Департаментом исправительных учреждений Гонконга и образованной государством корпорацией *Hong Kong Science and Technology*

⁷ См.: Arizona Revised Statutes, § 41-1609. <https://www.azleg.gov/ars/41/01609.htm>; Correctional Privatization Act 1993, Fla. Stat. § 957 (2025). https://florida.public.law/statutes/fla._stat._957.01; Texas Government Code, GOV'T § 495.001. <https://codes.findlaw.com/tx/government-code/gov-t-sect-495-001/>

⁸ Criminal Justice Act 1991, с. 53. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1991/53>

⁹ См.: United States Government Accountability Office. (2025). Bureau of Prisons: Strategic approach needed to prevent and address employee misconduct (Report No. GAO-25-107339). <https://www.gao.gov/assets/gao-25-107339.pdf>

¹⁰ Институциональные преимущества топ-менеджмента в современных крупных корпорациях достаточно подробно изложены в работе британского исследователя С. Пичотто (Picciotto, 2011. Р. 122). Также см. работу Н. Спербера, посвященную институциональным возможностям руководящего персонала компаний с государственным участием и познавательной целесообразности выделения их в отдельный класс современного общества (Sperber, 2022. Рр. 268–273).

*Parks Corporation*¹¹, занимающейся внедрением новейших технологий надзора за заключенными. Несмотря на внешнее сходство с частными исправительными учреждениями, существующими в США и Великобритании, тюрьма в Тайтхаме – скорее, проявление новой тенденции в сфере публичного управления; тенденции, при которой государство уже не делегирует свои полномочия частным корпоративным образованиям, но само создает корпоративные образования, в значительной степени действующие в соответствии с рыночными критериями эффективности и с рыночной целью извлечения прибыли.

Так или иначе, основанные на использовании современных технологий управленческие, особенно контрольно-надзорные, механизмы, которые по тем или иным причинам неудобно применять органам государственной власти, без каких-либо затруднений и без необходимости отчитываться перед гражданским обществом могут внедрять и применять такие вот корпоративные субъекты¹². Благодаря корпоративной (в том числе гибридной, государственно-частной) форме, через которую в жизнь граждан постепенно проникают все новые средства контроля за их поведением, государству удается преодолевать разрыв между публичной природой государственного принуждения и непубличным характером внедрения соответствующих административных практик и надзорных технологий, между публичной природой бюджетных средств, выделяемых на внедрение этих практик, и непубличным характером их расходования. В конце концов, положения любого концессионного договора между правительством и корпорацией по соглашению между сторонами могут быть признаны конфиденциальной информацией, не подлежащей раскрытию неограниченному кругу лиц.

С. Рынки для «своих»: российский опыт

Хотя для России практика передачи исправительных учреждений в частное управление до сих пор нехарактерна¹³, здесь можно встретить не менее показательные примеры использования модели ГЧП и концессионных соглашений.

¹¹ В соответствии с ордонансом об учреждении данной корпорации, принятым Законодательным советом Гонконга, она не является ни службой, ни агентом правительства, не обладает государственным статусом и иммунитетом, но обязана действовать в соответствии с разумными коммерческими принципами (п. 3 ст. 3, ст. 7 Ордонанса) (см. Hong Kong Science and Technology Parks Corporation Ordinance, Cap. 565 (2021). <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap565>).

¹² В этой связи показательное следующее наблюдение. Н. Ривет, анализируя протекающие в последнее время процессы приватизации пенитенциарных учреждений во Франции, отмечает, что эти процессы, вопреки ожиданиям, ведут не к «исчезновению» государства из данной сферы, а к перераспределению государственных ресурсов, направляемых на усовершенствование технологий контроля и надзора за заключенными (Rivet, 2025. Р. 1226). Государство снимает с себя часть обязанностей по текущему управлению тюрьмами, а вместе с этим – значительные издержки, но приобретает возможность навязывать компаниям-концессионерам определенные обязательные стандарты их деятельности, а также внедрение новых надзорных механизмов. Таким образом, приватизация не ведет к уменьшению влияния бюрократии, а лишь меняет модус бюрократизации.

¹³ Прямого законодательного запрета для этого нет, однако нет и положений, которые бы могли послужить правовым основанием для такой практики. Системное толкование положений российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время передача исправительных учреждений и изоляторов временного содержания в управление частным компаниям невозможна. Согласно Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в России учреждения, исполняющие наказания, относятся к единой государственной уголовно-исполнительной системе, материально-техническое обеспечение которой осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (ст. 9.1) (см.: Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. № 5473-1 от 21.07.1993. (ред. от 31.07.2025). (2025). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102025027>). В соответствии со ст. 8 и 9 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» следственные изоляторы, а также изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности финансируются за счет средств федерального бюджета (см.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. № 103-ФЗ от 15.07.1995 (ред. от 31.07.2025). (2025). Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102036506). Соответствующие объекты не отнесены законодателем к объектам соглашения о государственно-частном партнерстве (см.: О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 224-ФЗ от 13.07.2015. (2015). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102090643&backlink=1&nd=102376338>). Несмотря на это, время от времени вопрос о возможности передачи соответствующих учреждений частному бизнесу в России поднимается в публичном пространстве (см., например: Небольсина, М. А. (2019, 30 октября). Частные СИЗО в России для обвиняемых по экономическим статьям. МГИМО. <https://mgimo.ru/about/news/experts/chastnye-sizo-v-rossii-dlya-obvinyayemykh-po-ekonomicheskim-statyam/>).

В 2018–2019 гг. в Российской Федерации была создана система маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров (так называемая система «Честный знак»)¹⁴, а функции ее оператора, т. е. функции по контролю за оборотом товаров, без проведения конкурса были переданы правительством обществу с ограниченной ответственностью «Оператор-ЦРПТ»¹⁵. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. был утвержден Перечень товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, впоследствии дополненный и охватывающий весьма широкий спектр товарных наименований, от табачной продукции, духов и предметов одежды из натуральной кожи до молочной продукции, безалкогольных напитков и предметов повседневного гардероба¹⁶. Обязательность маркировки подкрепляется возможностью применения органами государственной власти мер административной и даже уголовной ответственности к нарушителям установленных норм.

Сама идея обязательной маркировки большей части ассортимента товаров средствами идентификации является достаточно неоднозначной. В то время как в отдельных сегментах товарной продукции такая маркировка действительно позволяет очистить рынок от контрафакта, для значительной доли товарного рынка ее введение представляет собой лишь дополнительную нагрузку на бизнес. Необходимость не только платить за каждую марку, но и выделять средства на закупку оборудования и человеко-часы работников на осуществление маркировки вызвала крайне неодобрительную реакцию со стороны представителей российского малого и среднего бизнеса, обоснованно опасющихся, что возросшие издержки могут привести к финансовым проблемам и закрытию многих малых предприятий по всей стране¹⁷. Так или иначе, передача частной компании функций оператора системы цифровой маркировки, охватывающей все более широкую товарную номенклатуру, вряд ли может считаться бесспорным решением, учитывая, что введение данной системы создает нагрузку на производителей и продавцов соответствующих товаров, потребители вынуждены приобретать эти товары по возросшим ценам, а одна компания при этом на неконкурентной основе получает возможность зарабатывать на созданном государством рынке «контрольных услуг». Как справедливо указывают исследователи из Санкт-Петербургского государственного университета, рассматриваемый случай является характерным примером так называемого клиентского типа регуляторной политики, при котором выгоды сосредоточены у немногочисленных организованных групп, а издержки распределены между многочисленной, но слабо скоординированной массой малых и средних предприятий (Трунов, Трунова, 2026. С. 171). При этом отмечается, что в случае с внедрением «Честного знака» государство выступало не пассивным арбитром, а инициатором системы (Трунов, Трунова, 2026. С. 171).

¹⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статьи 4-4 и 4-5 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации». № 488 от 25.12.2018. (2018). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812250092>; Модель функционирования системы маркировки товаров средствами идентификации в Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ № 791-р от 28.04.2018. (2018). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805040029?index=2>; Постановление Правительства РФ № 515 от 26.04.2019. (2019). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001201905060041>

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ № 620-р от 03.04.2019. (2019). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904090009>; Распоряжение Правительства РФ № 899-р от 08.05.2019. (2019). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/>

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ № 792-р от 28.04.2018 (ред. от 07.02.2025). (2025). Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102468096

¹⁷ См.: Агаркова, Л. (2025, 14 ноября). На совещании в Совете Федерации рассмотрели проблемы маркировки. Их по-прежнему много. Свое дело плюс. Новости малого бизнеса. <https://svoedeloplus.ru/2025/11/14/na-soveshhanii-v-sovete-federaczii-rassmotreli-problemy-markirovki-ih-mnogo>; Шебалова, Л. (2025, 17 июля). «Честный знак» выдавит с рынка в первую очередь тех, кому он не по карману. Вечерняя Казань. <https://www.evening-kazan.ru/analitika/articles/chestnyy-znak-vydavit-s-rynka-v-pervuyu-ochered-teh-komu-on-ne-po-karmanu>. Опасения предпринимателей нашли подтверждение в результатах исследования, проведенного специалистами МГУ им. М. В. Ломоносова по заказу РОО «Содействие малому бизнесу» в 2024 г. Так, в качестве вероятных негативных последствий введения обязательной маркировки товаров экспертами прогнозируется рост цен на товары и устранение с рынка малых и средних предприятий (см.: Отчет о научно-исследовательской работе «Прогнозная оценка влияния системы обязательной маркировки товаров на экономическую и социальную составляющие деятельности субъектов малого и среднего бизнеса в российской легкой промышленности». (2024). https://союзавтосервисов.рф/wp-content/uploads/2025/01/otchet_nir_markirovka_ispr-2.pdf).

Введение системы «Честный знак» – примечательный, но не единственный и даже не первый в России случай, когда государство обременяет частных лиц (как правило, занимающихся предпринимательской деятельностью) ранее не существовавшими обязанностями, предоставляя при этом некоей коммерческой компании полномочия контролировать исполнение этих обязанностей, управлять системой контроля и продавать обремененным новыми обязанностями лицам определенные услуги, в которых без соответствующих властных решений не возникло бы необходимости. Другим подходящим примером в этом отношении является история внедрения в России системы взимания платы с грузовых фур за движение по дорогам федерального значения – так называемой системы «ПЛАТОН»¹⁸, оператором которой также на неконкурентной основе в свое время была назначена частная компания (ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы») (Рувинский, 2020. С. 135–140).

Как можно заметить, публичные по своей природе средства (нормы законодательства, индивидуально-правовые акты государственных органов, налагаемые на субъектов обязательные платежи, меры юридической ответственности) используются с неоднозначными целями, к выгоде отдельных коммерческих компаний, определяемых без проведения конкурсных процедур. Таким образом, публичный сектор становится источником заработка отдельных немногочисленных лиц. При этом соответствие общественным интересам, обоснованность и целесообразность принятия соответствующих концессионных соглашений и введения новых обязанностей, а также новых контрольных механизмов, передаваемых в частное управление, не поддаются объективной оценке в силу непрозрачности как решений органов государственной власти, так и деятельности концессионеров. Стоит заметить, что форма концессионного соглашения, являющегося по сути частно-правовым инструментом (Холодкова, 2016. С. 187; Шегунц, 2025. С. 114), делает возможной утаивание от гражданского общества условий, подлинных целей и истинных выгодоприобретателей функционирования вновь внедряемых контрольных механизмов, затрагивающих интересы неопределенного круга лиц.

Впрочем, создаваемые посредством концессионных соглашений ГЧП – вовсе не единственное проявление тенденции к снижению прозрачности государственных решений, использованию публичной сферы для достижения партикулярных интересов и фактической приватизации механизма государства, начинающего функционировать не в качестве выражения всеобщего интереса и «формы иллюзорной общности», как характеризовал государство Маркс (1985. С. 29–30), а, скорее, в качестве закрытой корпорации. Не менее важным фактором трансформации государственности, особо заметно отражающим сдвиг государства к функционированию не в государственной, а в корпоративной логике, является создание непосредственно государством особых корпоративных образований, на которые возлагаются отдельные публичные (в том числе регуляторные) функции, но которые, однако, действуют как хозяйственные общества, ориентированные на извлечение прибыли, формально являясь при этом некоммерческими организациями и располагая широкой свободой в распоряжении имуществом, которым наделило их государство. Речь о так называемых государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях и подобных им. Выше уже упоминалась гонконгская корпорация, образованная государством и занимающаяся внедрением технологичных решений в исправительных учреждениях. Российский «государственно-капиталистический» опыт не менее интересен; анализ его позволяет сделать ряд обобщающих выводов относительно динамики развития государственных институтов.

II. Государство как корпоративный конгломерат

А. Российские госкорпорации

В России регуляторно-управленческая модель, предполагающая «создание организации с особым статусом, совмещающей в себе признаки государственного органа и некоммерческой организации, но имеющей право заниматься предпринимательской деятельностью» (Романовская, 2017. С. 148), используется с начала 2000-х гг., когда в федеральное законодательство были включены положения об организационно-правовой

¹⁸ Прообразом системы «ПЛАТОН», судя по всему, послужила введенная в 2004 г. в Германии система LKW-Maut под управлением консорциума Toll Collect GmbH. Управляющий консорциум был учрежден немецкими компаниями Daimler Financial Services AG, Deutsche Telekom AG, а также французской Cofiroute, но в 2018 г. правительство ФРГ выкупило акции оператора, видимо, посчитав, что передача соответствующих, публичных по своей природе функций частному корпоративному образованию создает неприемлемые политические издержки для германских властей (см.: Eurowag. (2026, January 21). The toll for trucks in Germany: All that you need to know. <https://www.eurowag.com/blog/the-toll-for-trucks-in-germany-all-that-you-need-to-know>).

форме государственной корпорации¹⁹, и вслед за этим стали образовываться соответствующие организации с публичными полномочиями в отдельных секторах экономики. О. В. Романовская (2019. С. 14–16) характеризует данную модель в качестве разновидности *квазирегулирования*, а сами государственные корпорации, такие как «Росатом», определяет как *квазимилинерства*, подразумевая, очевидно, что такие организации являются неотъемлемой частью механизма современного российского государства и что их полномочия в достаточной степени широки для того, чтобы самостоятельно и всесторонне осуществлять текущее управление и нормативно-правовое регулирование в соответствующих вверенных им секторах.

В настоящее время в нашей стране действует пять государственных корпораций, образованных в соответствии со специальными федеральными законами. Также специальным законом в 2009 г. образована государственная компания «Российские автомобильные дороги», принявшая в доверительное управление автомобильные дороги общего пользования федерального значения, используемые на платной основе, и являющаяся оператором взимания платы за проезд по таким дорогам²⁰.

В 2016 г. был принят Федеральный закон²¹, предусматривающий новую организационно-правовую форму – публично-правовую компанию. Среди действующих на данный момент российских публично-правовых компаний – «Роскадастр», «Российский экологический оператор», «Фонд развития территорий» и «Единый регулятор азартных игр». Появление таких организаций свидетельствует о том, что модель регулирования через передачу публичных функций и государственного имущества корпоративным (и при этом государственным) структурам признана успешной и в дальнейшем, вероятно, сфера ее охвата будет расширяться²². В значительной степени принцип осуществления деятельности таких госкомпаний аналогичен тем принципам, на которых основываются проекты ГЧП: компания выступает в качестве оператора оказания публичных услуг, взимая плату с их получателей, перечисляя собранные средства в государственный бюджет и получая взамен вознаграждение от государства. По сути, отличия госкомпаний (публично-правовых компаний, госкорпораций) от ГЧП состоят лишь в том, что, во-первых, компанией-оператором здесь выступает не частная компания, а корпорация, специально созданная государством, а во-вторых, эта публичная компания еще и может быть наделена функциями властного органа.

Чем же так удобно использование подобных организаций, с точки зрения высокопоставленных должностных лиц госаппарата? Что толкает государство к созданию публичных корпораций и передаче им функций органов государственной власти²³? Представляется, что факторов здесь несколько, и все они связаны между собой:

- возможность концентрации значительных бюджетных средств, которые становятся собственностью компании (корпорации) и, по сути, выводятся из-под строгого контроля надзорных органов, а также контроля со стороны гражданского общества (Лагутин, 2008. С. 27–32);
- достаточно высокая степень свободы в распоряжении государственным имуществом со стороны менеджмента таких государственно-корпоративных образований;
- возможность для высокопоставленных должностных лиц государства занимать должности в органах управления госкорпораций и публично-правовых компаний, совмещая тем самым госслужбу с корпоративным управлением и доступом к огромным ресурсам;

¹⁹ О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях». № 140-ФЗ от 08.07.1999. (1999). Собрание законодательства РФ. 28. Ст. 3473.

²⁰ О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 145-ФЗ от 17.07.2009. (2009). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89458/

²¹ О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 236-ФЗ от 03.07.2016. (2016). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607030012>

²² В январе 2026 г. Минфином России была озвучена идея легализовать онлайн-казино и передать функции управления данным видом деятельности специально созданной для этого компании, которая бы отчисляла часть выручки в федеральный бюджет. См.: Юрасова, Ю. (2026, 27 января). Новая фишка бюджета: Минфин предлагает легализовать онлайн-казино. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/8378433>

²³ ГК «Росатом» были переданы полномочия упраздненного Федерального агентства по атомной энергии, в том числе полномочия по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности. См.: О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». № 317-ФЗ от 01.12.2007. (2007). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72969/; Указ Президента РФ № 369 от 20.03.2008. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75670/

– возможность выплачивать сотрудникам (прежде всего из числа бывших или даже действующих госслужащих) зарплаты и премии значительно выше выплат, предусмотренных на госслужбе, причем вне какой-либо связи с объективными финансовыми показателями деятельности компании (Nurgozhayeva, 2022);

– более низкие требования к раскрытию информации, чем предусмотренные законодательством об акционерных обществах; предоставление отчетности ориентировано, прежде всего, на правительство, а не на неограниченный круг лиц.

Проблемные стороны государственно-корпоративной управленческой модели очевидны. Именно те факторы, которые могут быть наиболее привлекательными с точки зрения лиц, участвующих в создании и деятельности госкорпораций, представляют собой недостатки данной модели с точки зрения прозрачности использования государственных ресурсов, по идее принадлежащих всему обществу. Госкорпорации, госкомпании и публично-правовые компании наделяются при их создании государственным имуществом, да еще и получают зачастую возможность прямо или косвенно облагать граждан и другие организации различного рода обязательными платежами, обременять обязанностями. По сути, это самый прибыльный и выгодный на сегодняшний день бизнес: бизнес за счет государства, с помощью государства, под прикрытием государства.

Ученый-цивилист А. Я. Курбатов отмечает также негативное влияние госкорпораций и подобных им компаний на рыночную конкуренцию, делая вывод, согласно которому «создание государственных корпораций в сферах, где действуют иные хозяйствующие субъекты, влечет ограничение конкуренции, поскольку государственные корпорации могут наделяться организационно-распорядительными полномочиями, получают огромные имущественные вклады от Российской Федерации, для них устанавливается целый ряд исключений в части необходимости выполнения требований законодательства» (Курбатов, 2011). Все это дает госкорпорациям и госкомпаниям значительные преимущества по сравнению с иными организациями. Вывод А. Я. Курбатова однозначен: создание госкорпораций ведет к монополизации экономической деятельности и централизации управления, с экономической точки зрения их существование следует рассматривать как проявления «государственного капитализма». Судя по тому, что современные исследования (Kim, 2022. Рр. 290–300) фиксируют тенденцию к распространению «нового государственного капитализма» даже в западных странах с высоким уровнем доходов, можно предположить, что Россия в силу определенных исторических причин лишь ненамного опередила их, тогда как тренд на формирование корпоративных образований и фактическое занятие бизнесом на периферии механизма государства является общим для стран с весьма различными культурными и политико-идеологическими ориентирами.

В. Госкомпании: мировой опыт

Вообще, стоит заметить, что российский опыт создания госкорпораций, действующих одновременно и как органы власти и управления, и как коммерческие субъекты, является весьма специфическим, но не совсем уж уникальным. Аналоги российских госкорпораций и публично-правовых компаний существуют во многих странах, хотя их правовая природа, степень коммерциализации и масштабы неодинаковы. Так, в Соединенных Штатах давно работают правительственные корпорации (*government corporations*), создаваемые федеральным правительством США для выполнения государственных функций преимущественно коммерческого характера (Kim, 2022. Р. 295). В странах Европейского союза действуют компании – национальные операторы транспортной и энергетической инфраструктуры: они взимают плату за доступ к соответствующим сетям с коммерческих операторов (а те, в свою очередь, с конечных пользователей), одновременно выполняя функции по регулированию и контролю использования сетей. Например, французский государственный корпоративный гигант *SNCF* управляет железнодорожной сетью, пассажирскими и грузовыми перевозками, железнодорожными вокзалами. Компания неоднократно подвергалась общественной критике за инвестирование только в дорогие скоростные поезда для состоятельных граждан, а также присвоение прибылей топ-менеджерами при огромных убытках компании²⁴.

В большинстве зарубежных стран государственные компании не имеют прямых административно-властных полномочий (таких как выдача лицензий, надзор). Эти функции остаются за государственными органами.

²⁴ См.: Akhromieieva, M. (2025, February 12). “Not a Public Service”? SNCF CEO’s TGV remarks spark outrage over high ticket prices. Rail Target. <https://www.railtarget.cz/business/sncf-tgv-public-service-debate-ticket-prices-10120.html>

Российские же госкорпорации (например, «Росатом», «Роскосмос», «ВЭБ.РФ») могут сочетать хозяйственную деятельность и регуляторно-контрольные функции в своей сфере.

Так или иначе, как уже подчеркивалось, несмотря на определенную специфику российского опыта создания госкорпораций и публично-правовых компаний, тенденция к активному использованию контролируемых государством компаний для решения задач публичного управления может быть распознана практически по всему миру. В Китае государственные компании, и в особенности так называемые центральные государственные предприятия, создаваемые Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом КНР, сочетают коммерческую деятельность с осуществлением публичных функций, обладая значительными лоббистскими возможностями в рамках правотворческого процесса и устанавливая стандарты в своих отраслях²⁵ (Milhaupt & Zheng, 2015. Pp. 692–696; Xun & Weng, 2024. Pp. 876–877). Такие компании вполне можно отнести к рудиментам китайского социализма, однако стоит отметить, что и в западных странах правительства не отказываются от использования подобных организационно-правовых форм, хотя модель ГЧП там все же преобладает над государственно-корпоративной.

Так или иначе, срастание механизма современного государства с корпоративными структурами, приватизация отдельных государственных функций и самой публичной сферы, а при всем этом также огосударствление коммерческой деятельности, превращение госуправления в своего рода бизнес – тенденции, которые становятся все сложнее не замечать. Где-то эти тенденции выражены сильнее, где-то слабее, но тренд просматривается уже достаточно для того, чтобы можно было сделать определенные теоретические обобщения.

Заключение

Конец XX в. ознаменовался закатом фордистско-кейнсианской модели государства всеобщего благосостояния, являвшейся, по некоторым оценкам (Hirsch, 2005. Pp. 120–121), вершиной развития современной модели государственности. На смену данной модели и соответствующему ей режиму накопления капитала, достигшему своего предела и вошедшему в полосу внутренних противоречий, пришла гораздо более гибкая постфордистская модель накопления капитала, новый, неолиберальный, подход к проведению государственной экономической политики и новые концепции публичного управления – *New Public Management* и концепция «сервисного государства». Движимая данными концепциями регуляторно-управленческая практика, нашедшая выражение в делегировании отдельных государственных функций и специфически государственных прерогатив частному, корпоративному сектору, а также в переносе рыночных критериев оценки эффективности, характерных для корпоративного управления, в сферу управления государственным, кардинально изменили внешний облик, внутреннее содержание и направленность деятельности современного государства. Открывшаяся с наступлением Нового времени тенденция к обособлению, росту и укреплению публичной сферы, утверждавшей себя как средоточие общенациональных интересов, повернулась вспять. Граница между публичным и частным, т. е. сферой общественных интересов и партикулярных интересов отдельных лиц и отдельных узких групп, начала размываться. В ходе этого процесса постепенно становилось очевидным, что благие идеи о «сервисном государстве» как провайдере услуг для гражданина, поставленного в центр управленческой архитектуры, являются, скорее, идеологической маскировкой сначала для «захвата государства» (Hellman et al., 2003. P. 752) корпоративными структурами, а впоследствии – для превращения самого государства в подобие корпоративного конгломерата.

Вместо того чтобы заставить госаппарат и составляющую его бюрократию конкурировать с частными компаниями за доверие потребителей публичных услуг, указанные процессы привели, скорее, к неразличимости бюрократизации и приватизации, к сходу до степени смешения движимой императивом извлечения прибыли частной компании, с одной стороны, и государства, казалось бы, должно выступать в качестве квинтэссенции общественного интереса, с другой.

Приватизация публичных функций конца прошлого века в XXI в. сменилась тем, что уже само государство все чаще проявляет себя как корпоративный субъект, движимый не столько публичными интересами, сколько

²⁵ См.: The US-China Business Council. (2020, February). Standards setting in China: Challenges and best practices. https://www.uschina.org/wp-content/uploads/2020/02/standards_setting_in_china_challenges_and_best_practices.pdf

интересами узкосоциальных групп: высокопоставленных государственных служащих, топ-менеджеров государственных компаний, а также учредителей и руководящего персонала связанных с государством коммерческих компаний, получающих от этого же самого государства выгодные контракты на неконкурентных условиях и специально созданные для них монопольные «рынки» контрольно-надзорных и иных публичных услуг.

В этой конвергенции уже бывает трудно различить, когда перед нами выступает государство, а когда коммерческие корпоративные образования, движимые не политическими (ориентированными на национальные интересы), а краткосрочными бухгалтерскими соображениями максимизации прибылей для учредителей, топ-менеджеров и связанных с ними кадров.

Возникает новая политико-правовая ситуация, при которой вопрос о том, кому же в действительности сегодня принадлежит государство и чьи интересы оно выражает, обретает новое звучание и новую актуальность. Как показали представители школы регуляции, вопреки превратному пониманию классического марксистского тезиса о государстве как «комитете, управляющем общими делами всего класса буржуазии», *модерное* государство как гарант условий накопления капитала и капиталистического воспроизводства никогда не было только лишь выразителем воли одного общественного класса, но всегда, по крайней мере, стремилось выступать в качестве нейтральной стороны в отношениях капитала и труда, поддерживать иллюзию социального единства всей нации. Известно, что модерное государство за долгую и непростую историю своего существования проделало большой путь в реализации общесоциальных функций, добившись в этом заметных успехов. На наших глазах, похоже, запущен и набирает ход обратный процесс. Происходит *соединение экономического господства с господством политическим* (Hirsch, 2005. Рр. 52–57) – состояние, характерное для общественного строя докапиталистической эпохи, но уж точно не для обществ, основанных на свободных договорных отношениях наемных работников и владельцев предприятий.

Поскольку государство все чаще ведет себя как заинтересованная сторона, обеспечивающая материальные интересы определенных корпоративных образований и узких слоев общества, оно перестает быть нейтральным политическим пространством, т. е. рано или поздно должно перестать восприниматься обществом в качестве «государства всего народа». Естественным образом напрашивается вывод о вхождении модерной модели государственности в состояние кризиса. Такое положение в перспективе должно вести к кардинальному изменению отношений между госаппаратом и гражданским обществом – изменению, которое рано или поздно может поставить под вопрос такие присущие модерну политико-правовые завоевания, как «правовое государство», «конституционализм», идея народного суверенитета и принцип ответственности правительств перед своими гражданами. В будущем это также может затруднить возможность долгосрочного и относительно стабильного накопления капитала по рыночным правилам, т. е. для неопределенного множества капиталистических предприятий, но зато уже сейчас гарантирует накопление ресурсов, богатства и власти немногочисленной прослойкой близких к госаппарату лиц, обеспечивает концентрацию власти в их руках. Для современного российского государства, механизм которого уже достаточно тесно сросся с корпоративными элементами как государственного, так и негосударственного происхождения, данная перспектива, к сожалению, вполне реальна.

Новая политико-правовая ситуация, в которой мы оказались, ставит на повестку вопрос о том, насколько адекватны сегодняшним познавательным и прогностическим задачам юридических и государствоведческих наук такие концепты, как «захват государства» (*state capture*) и «новый государственный капитализм» (*new state capitalism*). Представляется, что данные понятия имеют значительную познавательную ценность, могут и должны использоваться в общественных науках для лучшего понимания протекающих сегодня процессов трансформации государственных институтов. В то же время, ограничившись только ими, можно, как порой говорят, «не увидеть за деревьями леса». Теории «захвата государства» (Hellman et al., 2003), регуляторного (Эльмурзаева, 2017. С. 52) и инфраструктурного²⁶ захвата прекрасно демонстрируют, как работают механизмы влияния большого бизнеса на принимаемые государственным аппаратом решения и вводимые в действие законы. Однако они не дают должного понимания того, что сам государственный аппарат и составляющая его бюрократия могут выступать в качестве обособленной корпорации, действующей в логике, схожей с логикой

²⁶ См.: Späth, J., & Molinero, G. R., Jr. (2025, December). Infrastructural capture: How Big Tech's dependency loop is reshaping American statecraft (Policy Analysis No. 13). Österreichisches Institut für Internationale Politik. <https://www.oiiip.ac.at/publikation/infrastructural-capture-how-big-techs-dependency-loop-is-reshaping-american-statecraft>

деятельности коммерческих компаний. Концепция «нового государственного капитализма», напротив, сводит всю динамику изменения государственной политики в различных секторах экономики к усилению влияния бюрократии и экспансии компаний с государственным участием, овладевающих все большими сегментами соответствующих рынков. Под влиянием данной концепции может сложиться представление о том, что волны приватизации и национализации, дерегулирования и усиления дирижистских начал в экономике всего лишь мирно сменяют друг друга, тогда как сама модель современной государственности остается неизменной. Увидеть принципиальную смену модели государства можно, лишь встав на позицию *тотальности*, т. е. попытавшись понять отдельные контингентные факты общественной жизни в качестве моментов целостного исторического развития (Лукач, 2003. С. 110–111) и, таким образом, попытавшись распознать закономерную логику развития существующего – современного – порядка, его тупики и противоречия.

Так или иначе, представляется, что нам уже сейчас следует трезво осознать мифологичность многих современных представлений о праве и государстве, возможность достижения современной парадигмой развития своих пределов и естественным образом запущенную уже перестройку государственности (и всего право-порядка в целом) на неких новых началах, которые еще только предстоит выявить, осмыслить, подвергнуть необходимой критике и коррекции. Настоящее исследование, в большей степени сосредоточенное на фиксации происходящих кризисных сдвигов, может считаться предисловием и отправной точкой для дальнейшего выявления трендов, прогнозирования и описания формирующейся модели.

Список литературы

- Бурдые, П. (2022). *О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Вебер, М. (2021). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гегель, Г. В. Ф. (1990). *Философия права*. Москва: Мысль.
- Денисов, А. И. (1947). Критика некоторых буржуазных теорий государства и права. *Труды Военно-юридической академии Красной Армии*, VI, 3–77.
- Кант, И. (2014). *Метафизика нравов. Ч. 1*. Москва: «Канон+».
- Косолапов, Н. А. (2011). Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? *Сравнительная политика*, 2(2), 19–37. EDN: QILDKV. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-2(4)-19-37
- Курбатов, А. Я. (2011). Реформа гражданского законодательства: чего ожидать юридическим лицам публичного права? *Legal Insight*, 0(1).
- Лагутин, О. В. (2008). Роль государственных корпораций в политическом процессе современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 4*, 27–32. EDN: KWLNKD
- Локк, Дж. (2009). *Два трактата о правлении*. Москва: «Канон+».
- Лукач, Г. (2003). История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Москва: Логос-Альтерра.
- Маркс, К. (1985). Немецкая идеология. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные сочинения. В 9 т., 2* (с. 5–508). Москва: Госполитиздат.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1985). Манифест Коммунистической партии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные сочинения. В 9 т., 3* (с. 139–171). Москва: Госполитиздат.
- Маскару, А. Л. (2022). *Государство и политическая форма*. Москва: Горизонталь.
- Меньшиков, С. М. (1974). *Современный капитализм: Краткая политэкономика*. Москва: Мысль.
- Романовская, О. В. (2017). Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 36, 143–154. EDN: YTOMOL. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-143-154
- Романовская, О. В. (2019). Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1, 4–24. EDN: MTDNUZ. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.1.4.24
- Рувинский, Р. З. (2020). *Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы*. Санкт-Петербург: Алетейя. EDN: FDMXLV
- Руссо, Ж. Ж. (2000). Об общественном договоре, или Принципы политического права. В Ж. Ж. Руссо, *Об общественном договоре: Трактаты* (с. 195–322). Москва: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц.
- Трунов, М. А., Трунова, А. Д. (2026). Система «Честный знак» в маркировке товаров легкой промышленности России: асимметрия регуляторных издержек. *Общество: политика, экономика, право*, 5(154), 167–175. EDN: LYJDTI. DOI: 10.24158/rep.2026.5.20

- Фалина, А. С. (2012). Сервисное государство: истоки теории, элементы практики. *Социология власти*, 1, 132–140. EDN: PCSJHOR
- Фихте, И. Г. (2014). *Основа естественного права согласно принципам наукоучения*. Москва: «Канон+».
- Фурсов, А. (2008). Мир, который мы покидаем, Мир, в который мы вступаем, и Мир между ними: Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? В *De futuro, или История будущего* (с. 255–304). Москва: Политический класс; АИРО-XXI.
- Харин, А. Н. (2012). Корпорация-государство как альтернатива современному государству. *Власть*, 9, 76–79. EDN: PDEOLR.
- Холодкова, Ю. С. (2016). Понятие и правовая природа концессионных соглашений. *Вестник Томского государственного университета*, 405, 184–189. EDN: VUSIHP. DOI: 10.17223/15617793/405/27
- Шегунц, Н. Г. (2025). Правовая природа и содержание концессионного соглашения. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*, 25(3), 108–117. EDN: QPOAUD. DOI: 10.14529/law250315
- Эльмурзаева, Р. А. (2017). Регуляторный захват: теория и политика. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 37, 52–68. EDN: YFMTZJ. DOI: 10.17223/19988648/37/5
- Alami, I., & Dixon, A. D. (2024). *The spectre of state capitalism*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/9780198925224.001.0001
- Alami, I., Taggart, J., Whiteside, H., Gonzalez-Vicente, R., Liu, I. T., & Rolf, S. (2024). Quo vadis neoliberalism in an age of resurgent state capitalism? *Finance and Space*, 1(1), 340–367. EDN: PJLUOM. DOI: 10.1080/2833115X.2024.2392736
- Axtmann, R. (2004). The state of the state: The model of the modern state and its contemporary transformation. *International Political Science Review*, 25(3), 259–279. EDN: JMQJLR. DOI: 10.1177/0192512104043016
- Benz, A. (2008). *Der moderne Staat: Grundlagen der politologischen Analyse*. 2. Auflage. Oldenbourg Verlag. DOI: 10.1524/9783486711202
- Burgess, C. M. (2024). Preemptive private prisons. *Washington Law Review*, 99(1), 201–234.
- Byrne, J., Kras, K. R., & Marmolejo, L. M. (2019). International perspectives on the privatization of corrections. *Criminology & Public Policy*, 18(2), 477–503. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12440>
- Cassese, S. (2021). *Advanced introduction to global administrative law*. Edward Elgar. <https://doi.org/10.4337/9781789904222>
- Chase-Dunn, C., Álvarez, A., & Liao, Y. (2023). Waves of structural deglobalization: A world-systems perspective. *Social Sciences*, 12(5), 301. EDN: EMXDII. DOI: 10.3390/socsci12050301
- Denhardt, J. V., & Denhardt, R. B. (2015). *The new public service: serving, not steering*. 4th ed. Routledge.
- Garrett, A. D. (2008). The corporation as sovereign. *Maine Law Review*, 60(1), 129–164.
- Gerstenberger, H. (2007). *Impersonal power: History and theory of the bourgeois state*. Brill. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004130272.i-803>
- Hardt, M., & Negri, A. (1994). *Labor of Dionysus: a critique of the state-form*. University of Minnesota Press.
- Has, Ö. (2025). Regulating private military companies: A comparative study of national approaches in the United States, Turkey, and Russia. *Journal of Conflict & Security Law*, 30(3), 359–375. <https://doi.org/1093/jcsl/kraf012>
- Hellman, J. S., Jones G., & Kaufmann, D. (2003). Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies. *Journal of Comparative Economics*, 31(4), 751–773. EDN: GXAAIH. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.006
- Herman, E. S., & Chomsky, N. (2002). *Manufacturing consent: The political economy of the mass media*. Pantheon Books.
- Hirsch, J. (1978). The state apparatus and social reproduction: Elements of a theory of the bourgeois state. In J. Holloway & S. Picciotto (eds.), *State and Capital: A Marxist Perspective* (p. 57–107). Edward Arnold.
- Hirsch, J. (2005). *Materialistische Staatstheorie: Transformationsprozesse des kapitalistischen Staatensystems*. VSA-Verlag.
- Ives, A. (2015). Neoliberalism and the concept of governance: Renewing with an older liberal tradition to legitimate the power of capital. *Mémoire(s), identité(s), marginalité(s) dans le monde occidental contemporain*, (14). <https://doi.org/10.4000/mimmoc.2263>.
- Jessop, B. (1996). Post-Fordism and the state. In Greve B. (ed.), *Comparative Welfare Systems* (p. 165–184). Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-24791-2_10
- Kim, K. (2022). Locating new ‘state capitalism’ in advanced economies: an international comparison of government ownership in economic entities. *Contemporary Politics*, 28(3), 285–305. EDN: FBZYPS. DOI: 10.1080/13569775.2021.2022335
- Milhaupt, C. J., & Zheng, W. (2015). Beyond ownership: state capitalism and the Chinese firm. *Georgetown Law Journal*, 103, 665–722.
- Nebolsina, M. A. (2019). Private military and security companies: A theoretical overview. *Russia in Global Affairs*, 17(2), 76–106. EDN: BAIPIA. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-76-106
- Nurgozhayeva, R. (2022). Corporate governance in Russian state-owned enterprises: real or surreal? *Asian Journal of Comparative Law*, 17(1), 24–50. EDN: AUMTBB. DOI: 10.1017/asjcl.2022.3
- Peck, J., Brenner, N., & Theodore, N. (2018). Actually existing neoliberalism. In D. Cahill, M. Cooper, M. Konings and D. Primrose (eds.), *The SAGE Handbook of Neoliberalism* (pp. 3–15). SAGE Publications. <https://doi.org/10.4135/9781526416001.n2>
- Picciotto, S. (2011). *Regulating global corporate capitalism*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511792625>
- Pierson, C. (2011). *The modern state*. 3rd ed. Routledge.
- Poulantzas, N. (1978). *Political power and social classes*. Verso.

- Rivet, N. (2025). Privatization as bureaucratization: Contracts, accountability, and uses of law in the privatization of French prisons. *Oñati Socio-Legal Series*, 15(4), 1210–1232. EDN: MWKWWX. DOI: 10.35295/osls.iisl.2019
- Rouvinsky, R. (2023). Digital transformation, social ranking, and the future of statehood in the time of the “Great Reset”, *Oñati Socio-Legal Series*, 13(2), 436–463. EDN: GJQMTX. DOI: 10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1370
- Sassen, S. (2008). *Territory, authority, rights: From medieval to global assemblages*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400828593>
- Sheehan, J. J. (2023). *Making a modern political order: The problem of the nation state*. University of Notre Dame Press.
- Sperber, N. (2022). Servants of the state or masters of capital? Thinking through the class implications of state-owned capital. *Contemporary Politics*, 28(3), 264–284. EDN: FCTJNL. DOI: 10.1080/13569775.2021.2022323
- Szabó, E. (2016). Gavi, the Vaccine Alliance: A unique case study in partnership. *International Organizations Law Review*, 13(1), 149–170. <https://doi.org/10.1163/15723747-01301008>
- Tileva, I. (2025). Contemporary trends of globalization and deglobalization. *RUDN Journal of Economics*, 33(4), 834–854. EDN: MVPFVH. DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-4-834-854
- Xun, S. X., & Weng C. X.-c. (2024). Reining in the Behemoths for the common good? An analysis of state control of state-owned enterprises and the pathway to better governance in China. *European Business Organization Law Review*, 25, 871–900. EDN: WYCRQK. DOI: 10.1007/s40804-024-00322-9

References

- Alami, I., & Dixon, A. D. (2024). *The spectre of state capitalism*. Oxford University Press.
- Alami, I., Taggart, J., Whiteside, H., Gonzalez-Vicente, R., Liu, I. T., & Rolf, S. (2024). *Quo vadis neoliberalism in an age of resurgent state capitalism?* *Finance and Space*, 1(1), 340–367. <https://doi.org/10.1080/2833115X.2024.2392736>
- Axtmann, R. (2004). The state of the state: The model of the modern state and its contemporary transformation. *International Political Science Review*, 25(3), 259–279. <https://doi.org/10.1177/0192512104043016>
- Benz, A. (2008). *Der moderne Staat: Grundlagen der politologischen Analyse*. 2. Auflage. Oldenbourg Verlag.
- Bourdieu, P. (2022). *On the state: a course of lectures at College de France (1989–1992)*. Moscow: Delo Publishing. (In Russ.).
- Burgess, C. M. (2024). Preemptive private prisons. *Washington Law Review*, 99(1), 201–234.
- Byrne, J., Kras, K. R., & Marmolejo, L. M. (2019). International perspectives on the privatization of corrections. *Criminology & Public Policy*, 18(2), 477–503. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12440>
- Cassese, S. (2021). *Advanced introduction to global administrative law*. Edward Elgar.
- Chase-Dunn, C., Álvarez, A., & Liao, Y. (2023). Waves of structural deglobalization: A world-systems perspective. *Social Sciences*, 12(5), 301. <https://doi.org/10.3390/socsci12050301>
- Denhardt, J. V., & Denhardt, R. B. (2015). *The new public service: serving, not steering*. 4th ed. Routledge.
- Denisov, A. I. (1947). Criticism of some bourgeois theories of the state and law. *Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army*, VI, 3–77. (In Russ.).
- Elmurzaeva, R. A. (2017). Regulatory coverage: theory and politics. *Tomsk State University Journal of Economics*, 37, 52–68. <https://doi.org/10.17223/19988648/37/5>
- Falina, A. S. Service state: the origins of theory, the elements of practice. *Sociology of Power*, 1, 132–140. (In Russ.).
- Fichte, J. G. (2014). *Foundations of natural right*. Moscow: “Kanon+”. (In Russ.).
- Fursov, A. (2008). The world we are leaving, the world we are entering, and the World between them: Capital (ism) and Modernity – the skeletons fighting over the abyss? In *De futuro, or The history of the future* (pp. 255–304). Moscow: Politicheskii klass; AIRO-XXI. (In Russ.).
- Garrett, A. D. (2008). The corporation as sovereign. *Maine Law Review*, 60(1), 129–164.
- Gerstenberger, H. (2007). *Impersonal power: History and theory of the bourgeois state*. Brill.
- Hardt, M., & Negri, A. (1994). *Labor of Dionysus: a critique of the state-form*. University of Minnesota Press.
- Has, Ö. (2025). Regulating private military companies: A comparative study of national approaches in the United States, Turkey, and Russia. *Journal of Conflict & Security Law*, 30(3), 359–375. <https://doi.org/10.1093/jcsl/kraf012>
- Hegel, G. W. F. (1990). *Philosophy of right*. Moscow: Mysl’. (In Russ.).
- Hellman, J. S., Jones G., & Kaufmann, D. (2003). Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies. *Journal of Comparative Economics*, 31(4), 751–773.
- Herman, E.S., & Chomsky, N. (2008). *Manufacturing consent: The political economy of the mass media*. The Bodley Head.
- Hirsch, J. (1978). The state apparatus and social reproduction: Elements of a theory of the bourgeois state. In J. Holloway & S. Picciotto (eds.), *State and Capital: A Marxist Perspective* (p. 57–107). Edward Arnold.
- Hirsch, J. (2005). *Materialistische Staatstheorie: Transformationsprozesse des kapitalistischen Staatensystems*. VSA-Verlag.
- Ives, A. (2015). Neoliberalism and the concept of governance: Renewing with an older liberal tradition to legitimate the power of capital. *Mémoire(s), identité(s), marginalité(s) dans le monde occidental contemporain*, (14).
- Jessop, B. (1996). Post-Fordism and the state. In Greve B. (ed.), *Comparative Welfare Systems* (p. 165–184). Macmillan.

- Kant, I. (2014). *The metaphysics of morals. Part 1*. Moscow: "Kanon+". (In Russ.).
- Kim, K. (2022). Locating new 'state capitalism' in advanced economies: an international comparison of government ownership in economic entities. *Contemporary Politics*, 28(3), 285–305. <https://doi.org/10.1080/13569775.2021.2022335>
- Kharin, A. N. (2012). Corporation-state as an alternative to the modern state. *The Authority*, 9, 76–79. (In Russ.).
- Kholodkova, Yu. S. (2016). Definition and legal nature of concession agreements. *Tomsk State University Journal*, 405, 184–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/405/27>
- Kosolapov, N. A. (2011). State as a corporation and the corporation as a state: a product of globalization or a new phenomenology? *Comparative Politics Russia*, 2(2), 19–37. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-2\(4\)-19-37](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-2(4)-19-37)
- Kurbatov, A. Ya. (2011). Реформа гражданского законодательства: чего ожидать юридическим лицам публичного права? *Legal Insight*, 0(1). (In Russ.).
- Locke, J. (2009). *Two treatises of government*. Moscow: "Kanon+". (In Russ.).
- Lagutin, O. V. (2008). The role of state corporation in political process of contemporary Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6, 4*, 27–32. (In Russ.).
- Lukács, G. (2003). *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Moscow: Logos-Alterra. (In Russ.).
- Marx, K. (1985). The German ideology. In K. Marx, & F. Engels, *Selected works. In 9 Vol., 2* (pp. 5–508). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Marx, K., & Engels, F. (1985). The Communist Manifesto. In K. Marx, & F. Engels, *Selected works. In 9 vols., 3* (pp. 139–171). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Mascaro, A. L. (2022). *State and political form*. Moscow: Gorizont. (In Russ.).
- Menshikov, S. M. (1974). *Modern capitalism: Political economy in brief*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Milhaupt, C. J., & Zheng, W. (2015). Beyond ownership: state capitalism and the Chinese firm. *Georgetown Law Journal*, 103, 665–722.
- Nebolsina, M. A. (2019). Private military and security companies: A theoretical overview. *Russia in Global Affairs*, 17(2), 76–106.
- Nurgozhayeva, R. (2022). Corporate governance in Russian state-owned enterprises: real or surreal? *Asian Journal of Comparative Law*, 17(1), 24–50. <https://doi.org/10.1017/asjcl.2022.3>
- Picciotto, S. (2011). *Regulating global corporate capitalism*. Cambridge University Press.
- Peck, J., Brenner, N., & Theodore, N. (2018). Actually existing neoliberalism. In D. Cahill, M. Cooper, M. Konings and D. Primrose (eds.), *The SAGE Handbook of Neoliberalism* (p. 3–15). SAGE Publications.
- Pierson, C. (2011). *The modern state*. 3rd ed. Routledge.
- Poulantzas, N. (1978). *Political power and social classes*. Verso.
- Rivet, N. (2025). Privatization as bureaucratization: Contracts, accountability, and uses of law in the privatization of French prisons. *Oñati Socio-Legal Series*, 15(4), 1210–1232. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl.2019>
- Romanovskaya, O. V. (2017). Delegation of state authoritative powers in the public regulation system. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 36, 143–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-36-143-154>
- Romanovskaya, O. V. (2019). Deconcentration of public administration: law and administrative reform. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 4–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.1.4.24>
- Rousseau, J. J. (2000). The social contract or principles of political right. In J. J. Rousseau, *The social contract: Treatises* (pp. 195–322). Moscow: TERRA-Book club; KANON-press-C. (In Russ.).
- Rouvinsky, R. (2023). Digital transformation, social ranking, and the future of statehood in the time of the "Great Reset", *Oñati Socio-Legal Series*, 13(2), 436–463. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1370>
- Rouvinsky, R. Z. (2020). *Legal order in times of global crisis: transformations, trends, threats*. Saint-Petersburg: Aletheia. (In Russ.).
- Sassen, S. (2008). *Territory, authority, rights: From medieval to global assemblages*. Princeton University Press.
- Shegunts, N. G. (2025). Legal nature and content of the concession agreement. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 25(3), 108–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/law250315>
- Sheehan, J. J. (2023). *Making a modern political order: The problem of the nation state*. University of Notre Dame Press.
- Sperber, N. (2022). Servants of the state or masters of capital? Thinking through the class implications of state-owned capital. *Contemporary Politics*, 28(3), 264–284. <https://doi.org/10.1080/13569775.2021.2022323>
- Szabó, E. (2016). Gavi, the Vaccine Alliance: A unique case study in partnership. *International Organizations Law Review*, 13(1), 149–170. <https://doi.org/10.1163/15723747-01301008>
- Tileva, I. (2025). Contemporary trends of globalization and deglobalization. *RUDN Journal of Economics*, 33(4), 834–854. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-4-834-854>
- Trunov, M. A., & Trunova, A. D. (2026). The 'Honest Sign' system in labeling Russian light industry goods: The asymmetry of regulatory costs. *Society: Politics, Economics, Law*, 5(154), 167–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2026.5.20>
- Weber, M. (2021). *Economy and society. Vol. 1. Sociology*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.).
- Xun, S. X., & Weng C. X.-c. (2024). Reining in the Behemoths for the common good? An analysis of state control of state-owned enterprises and the pathway to better governance in China. *European Business Organization Law Review*, 25, 871–900. <https://doi.org/10.1007/s40804-024-00322-9>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.04.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 08.07.2026

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2026